

УДК 398.224 (=512.31)
DOI 10.17223/18137083/72/2

Стереотипы в изображении женских персонажей сибирского эпоса

Е. Н. Кузьмина, Л. Н. Арбачакова, Н. В. Шульбаева

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В современном эпосоведении особо актуальным стало изучение внутренней структуры героических сказаний, выявление специфики языковых и поэтико-стилевых средств эпоса тюркоязычных и монголоязычных народов Сибири. Этому способствовали такие факторы, как длительная сохранность во времени эпической традиции этих народов и достаточная исследовательская и источниковая база, связанная с эпосом. Исследование микроэлементов поэтической ткани произведений, рассмотрение сюжетостроения и семантической природы сибирского эпоса дает возможность проследить бытование эпической традиции во времени. В статье поставлена новая задача – проанализировать универсалии, связанные с эстетическими категориями прекрасного, которые отражены в изображении женских персонажей эпоса бурят, хакасов и шорцев. На основе сравнительно-сопоставительного и описательного методов рассмотрены традиционные портретные описания образов воинственных богатырок и дев-героинь, сделаны выводы о том, что в их изображении отразилось ценностное отношение народа к миру и синкретизм эстетических и нравственных оценок. Восприятие прекрасного / уродливого, отраженное в тюрко-монгольском эпосе, носит природно-генетический характер. Такой аксиологический подход к исследуемому материалу предпринимается впервые.

Ключевые слова

героический эпос бурят, хакасов, шорцев, женские образы, стереотипы, ценностный синкретизм, эстетическое понятие прекрасного в эпосе

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Кузьмина Е. Н., Арбачакова Л. Н., Шульбаева Н. В. Стереотипы в изображении женских персонажей сибирского эпоса // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 23–35. DOI 10.17223/18137083/72/2

© Е. Н. Кузьмина, Л. Н. Арбачакова, Н. В. Шульбаева, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 3
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 3

Stereotypes in female images of the Siberian epos

E. N. Kuzmina, L. N. Arbachakova, N. V. Shulbaeva

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In the heroic legends of the peoples of Siberia, a special role is played by typical descriptions (stereotypes) that carry plot-forming and compositional functions. They reflect the syncretism of aesthetic and moral popular views in their content and the semantic guidelines that epic heroes are endowed with. As ethno-poetic constants, these stereotypes embodied the people's value attitude to the world around them and, being transmitted for a long time, became ethnically differentiated cultural universals acquiring a normative status over time. In this study, an axiological approach has been applied to consider traditional portrait descriptions of warlike heroes and virgins, based on the comparative material from the epic of Buryats, Khakasses, and Shors. This approach allowed us to conclude that the similarity in imaging the characters of these peoples' epic has a natural and genetic origin and that the descriptions show the syncretism of aesthetic and moral assessments. The descriptions used in the depiction of female characters are intertextual stereotypes taken from the general epic fund. The structure of these stereotypes comprises supporting phrases that tend to become epic formulas and function independently in the epic. Of the poetic and visual means, stereotypes steadily involve the comparisons and epithets easily correlated with the phenomena and objects of Nature and Space. The generally accepted statement that hyperbole is the main imaging device in the heroic epos is also confirmed in the female character description stereotypes.

Keywords

heroic epos of the Buryats, Khakasses, Shors, female images, stereotypes, value assessment

Acknowledgments

This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language" supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884

For citation

Kuzmina E. N., Arbachakova L. N., Shulbaeva N. V. Stereotypes in female images of the Siberian epos. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 3, p. 23–35. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/72/2

Введение

В фольклорной системе народов Сибири: алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов до середины XX в. функционировал в полноте такой уникальный жанр, как героический эпос. Естественно, что он не мог не привлечь самого пристального внимания исследователей. Более чем за полуторавековую историю научного изучения народного эпоса сибиряков создана обширная фундаментальная база теоретических исследований, посвященных анализу бытования, сюжетных типов, поэтики, языка, персонажного мира эпоса. Вся эта наработанная база позволяет теперь углубляться в изучение внутренней структуры сказаний, вникать в специфику микроэлементов поэтической ткани произведений, рассматривать с новых позиций сюжетостроение и семантическую природу сибирского эпоса,

что сегодня является актуальной и неотложной задачей современного эпосоведения.

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать отражение в типических описаниях эпоса отдельных аксиологических аспектов, связанных с понятиями прекрасного и безобразного, доброго и злого, исследовать семантику и структуру стереотипов на примере эпических женских образов. Изучение этих вопросов проводится на основе применения сравнительно-сопоставительного и описательного методов, позволяющих анализировать эпический материал родственных и неродственных по языку народов Сибири: хакасов, шорцев и бурят. Здесь предлагается рассмотреть круг вопросов, неизбежно возникающих в ходе анализа стереотипов: терминология, эпический контекст, специфика, универсализм и природа ценностных народных суждений, синкретизм в эпосе эстетических и этических ценностей. Конечно, мы отдаем отчет тому, что невозможно объять необъятное, особенно когда это связано с жанром героического эпоса, уходящего корнями вглубь веков, разрешить во всех нюансах поставленные проблемы. Поэтому в статье сужены объект и предмет изучения, ограниченный устойчивыми описаниями женских образов героического эпоса только двух тюркских народов Сибири (хакасов и шорцев) и одного монголоязычного этноса (бурят).

Методология и основные термины

Приступая к изложению материала, следует оговорить, что сюжетостроение героических сказаний базируется на прочной композиционной основе, где каждое сюжетное звено увязано с определенной темой и мотивами, которые получают развитие в эпизодах повествования, т. е. в процессе сказывания исполнитель знает порядок следования тем. Их изложение осуществляется с помощью уже готовых устойчивых описаний, которые, по сути, являются поэтическими клише-формулами, составляющими фонд поэтико-стилевых средств эпоса. Сказитель, хорошо знающий язык эпической традиции, прибегает к этому фонду и по ходу сказывания в меру своего сказительского таланта варьирует и расцвечивает эти описания. Эпические формулы исчерпывающе исследовали М. Пэрри и его ученик А. Лорд, тем самым они разработали устно-формульную теорию, став основоположниками этого направления (подробнее об этом см.: [Лорд, 2018]).

Мы оперируем такими равнозначными терминами, как: типические места и «общие места», которые в своем содержании подразумевают устойчивость, закреплённость и пространность всех составных элементов поэтической конструкции. Эпическая формула в этом ряду выглядит лаконичным мини-описанием, синтаксически состоящим из одного или двух предложений. И типические места, и эпические формулы являются стереотипами, которые могут быть интертекстуальными, легко переходящими из одного сказания в другое, или «ситуативными» (по Ю. В. Новикову), т. е. функционирующими только в одном конкретном эпическом произведении.

Основной набор эпических стереотипов приведен в «Указателе типических мест народов Сибири...» [Кузьмина, 2005], эти устойчивые поэтические описания составляют основу фонда поэтико-стилевых средств героического эпоса сибирских народов. В сюжетосложении сказаний они представляют содержание эпизодов и тем самым играют роль обязательных звеньев, последовательно сцепляемых между собой. Как показывает приведенная в названном «Указателе» структура

[Кузьмина, 2005, с. 8–10], проиндексированные типические места образуют каркас, основу героических повествований. Естественно, все они одновременно не могут наличествовать в одном героическом сказании, значит, отсюда вытекает вполне прослеживаемая связь этих стереотипов с темой произведения и с эпическими мотивами. На этом фоне женские образы, описание которых стереотипно, напрямую увязывается с древнейшей темой эпоса – героическим сватовством.

Исследование функциональной роли типических мест героического эпоса сибирских народов показало, что эти стереотипы как устойчивый компонент в сюжетостроении стабилизируют и тем самым сохраняют во времени эпическую традицию. С точки зрения их содержания они законсервировали в себе те целесообразные, на взгляд этноса, правила, нормы, стиль поведения, понятия красоты человека, которые прошли отбор поколениями людей и испытание временем. В «общих местах» эпоса разных сибирских народов прослеживается сходное восприятие окружающего мира и морально-этических качеств человека и эстетических взглядов. По сути, типические места в совокупности сконцентрировали в себе систему ценностей, принятых этносами, которые сформировались под влиянием сходного доминирующего типа мышления у названных народов в силу общности типа хозяйствования, одинаковой природной среды обитания, бытового уклада и т. д. Духовные ценности, отраженные в сказаниях, являются *культурным кодом*, под которым понимается «система “записи” родовой семантической информации, представленная в виде иерархии ценностей, предписывающей конкретные нормы деятельности человека» [Исакова, 2001, с. 79–80]. Разумеется, эта информация не призывает слушателей эпоса к моментальному исполнению или соблюдению предписанных норм, но опосредованно направляет и мотивирует членов коллектива, показывая, к чему они должны стремиться, дает представление о том, каким должен быть человек, истинный герой.

Основные результаты исследования

1. Облик богатырки

В героических сказаниях сибирских народов главный действующий персонаж изображается как идеальный герой, объект восхищения и воспевания. Его поступки и действия направлены на реализацию основных идей произведений – создание семьи, защита рода и родовой территории, борьба со злом в любом проявлении, установление мира и равновесия в Среднем мире, где проживают эпические герои. Поэтому совершаемые подвиги, решения героев эпоса, связанные с достижением этих конечных целей, воспринимаются как норма. Богатырь / богатырка находится в центре событий, вокруг него / нее находятся другие персонажи эпоса. В зависимости от того, какую позицию они занимают по отношению к герою, являются ли помощниками ему в правом деле или вредителями, они делятся на положительных или отрицательных персонажей. Фольклор не признает нюансов. Аксиологические критерии в традиционных культурах, в частности в фольклоре, проявляются в виде бинарных оппозиций: доброе / злое, сакральное / профанное, красивое / уродливое. Но наряду с этим произведения тем привлекательны, что в них реализуются сложные сюжетные коллизии. Зачастую в бурятских сказаниях на смену погибшему герою приходит его сестра-богатырка (в шор. эпосе – сестра или жена). Но свое женское обличие она прячет под доспехами брата или мужа – богатыря.

В отечественном эпосоведении общепринято включение в состав догосударственного или, как определил Е. М. Мелетинский [2004], архаического эпоса, карело-финских рун, героических сказаний народов Кавказа, тюрко-монгольских народов Сибири и шумеро-аккадского книжного эпоса.

В свое время одним из авторов этой статьи было предпринято изучение женских персонажей бурятского эпоса с точки зрения их генезиса и художественных средств [Кузьмина, 1980]. Поэтому здесь, не вдаваясь в рассмотрение генетических истоков женских образов, констатируем, что образ девы-воительницы сказаний тюркоязычных сибирских народов и бурятского народа относится к древнейшим типам героико-эпической архаики. В данном случае логично провести исследование в аспекте сравнительного изучения внутренней структуры типовых описаний этих образов, отражения в них этнической специфики.

В бурятском эпосе портретное описание девы-воительницы не отличается от характеристики внешнего вида мужчины-богатыря. Сказителями употребляется в таких случаях распространенная интертекстуальная эпическая формула, обозначенная нами в «Указателе типических мест...» под индексом П.А.10а. Облик богатыря / богатырки: *Хүн бэиэ – хүдэри / Хүлэг бэиэ эрдэни* – «Не человек, а исполлин, не аргамак, а сокровище» (Улигер «Пятнадцатилетний Алтан Ганжудай Мэргэн», *Арбан табан насатай*, л. 46). По сути, эта эпическая формула часто становится опорной в характеристике положительных персонажей. В то же время она нейтральна по отношению к описанию красоты, ее употребление говорит о том, что перед сказителями стоит задача подчеркнуть богатство персонажа, «убедить» своих слушателей в том, что это истинный герой, а не слабая, нежная красавица.

В. Я. Пропп подметил, когда писал об образе невесты в русских сказках: «Как женщина она (невеста. – примеч. Е. К.) никогда не описывается точнее. Здесь русская сказка отличается от сказок, например, “Тысячи и одной ночи”; там выработался определенный, хотя и примитивный, канон женской красоты. Только одна черта ее облика в русской сказке упоминается чаще – это ее золотые волосы... Отсюда видно, что царевна должна в основном изучаться не по своим внешним признакам, а по своим действиям» [Пропп, 1996, с. 299]. Так же обстоит дело и с сибирским героическим эпосом. Необходимо рассматривать образы эпических героинь сквозь призму их поступков и деяний.

Не менее красноречиво описано богатство другой воительницы из вершинного памятника эпического творчества бурят «Абай Гэсэр». В первую встречу Гэсэра с Алма Мэргэн (в будущем ставшей его женой) она показала ему ловким, стремительно скачущим на коне, молодцем: *Хүндэлэн талаһаа / Шуһан зээрдэ моритой, / Шунха улан эмээлтэй, / Хүрзэйн шэнээн шүдэтэй, / Хүрэ улан шарайтай, / Алда хара шаажатай / Бухайр шара номотой...* – «Наперерез со стороны / Вылетел удалец / На огненно-рыжем коне, / В красном, как киноварь, седле, / С зубами, как лопата, / С темно-коричневым лицом, / С чёрной саженой косой, / С жёлтым бухарским луком... (Абай Гэсэр, 1960, с. 63). Здесь имеются все атрибуты эпического богатыря: огненный конь, богатырский лук, даже саженная коса, которую в древности носили и мужчины. Во внешнем облике героини подчеркиваются ровные, крепкие зубы, темно-коричневое лицо, цвет которого говорит о том, что персонаж много времени проводит в седле на воздухе, под палящим солнцем. Использованные в описании эпитеты несут смысловую нагрузку, передавая в ярких красках экспрессию, движение, стремительность героини: огненно-рыжий конь, красное седло, желтый лук. Здесь нельзя не заметить, что

такая яркая масть коня и его седла иллюстрируют наблюдение В. Я. Проппа об огненной природе коня [Пропп, 1996, с. 176–179]. После единоборства богатырки Алма Мэргэн с Гэсэром она терпит поражение, ломает свой лук и покорно соглашается стать его женой.

В героическом эпосе шорцев богатырка предстает в подчеркнуто женском облике: *Қыс палазы нас шықты: / Пир эмчеги пир тайгачы, / Пир эмчеги пир тайгачы. / Андиг қыс палазы нас-шықты. / Шойун тақты полды / Тоғус чердең пүзүк кише нас / Эде нас-шықты* – «Девушка вошла: / Одна грудь её была подобна горе, / И другая – подобна горе. / Вот такая девушка вошла. / Чугунный пол / В девяти местах продавливая, / Она вошла (Сказание «С неказистым рыжим конём Чепе Салгын»). Обладая женскими прелестями, она, тем не менее, не вызывает восторга своей красотой, а покоряет своей силой и мощью. Это огромная богатырка, с тяжелой поступью, способная сворачивать горы и бороться с себе подобными. Примечательно, что в портретных описаниях шорских богатырок употребляется постоянное сравнение частей тела с горами, т. е. природная среда обитания народа прямо сказалась в поэтико-образительных средствах эпоса.

В героических сказаниях хакасов «Алтын-Арыг» и «Ай-Хуучин» богатырки непременно называются «прекрасными», «достоинейшими из дев». В портретных характеристиках героинь используются описания количества кос, рассыпанных по спине, платьев и украшений, отблеск которых подобен сиянию солнца и луны, порой сама героиня «светится, словно луна» (Алтын-Арыг, стк. 2329).

Немаловажную роль играет упоминание того, что богатырка, спускаясь с горы в степь, «едет и песни поёт» (Пичен-Арыг), что говорит о ее хорошем психологическом самочувствии и уверенности в своей силе и мощи. О том, что многие персонажи сказания «Алтын-Арыг» поют, отметил еще И. В. Пухов, предположив, что «монологи героев в хакасском эпосе раньше пелись» [2004, с. 121]. Несмотря на детальное изображение героинь, всё же их характеристика стереотипна, она применима по отношению и к богатыркам, и к другим женским персонажам, играющим второстепенную роль в эпическом мире. *Ай Хуучын, хыс чахсызы, / Ах иб алында айлан турадыр. / Алтон чахсы сүрмезі / Аргаа толдыра чайыл парган, / Иліг аның сүрмезі / Иңіне патыспин тургандаг. / Алтыннаң иткен погозы / Айга частап турадыр, / Күмүстең иткен погозы / Күнге сұсталып турадыр.* – «Ай-Хуучин, достоинейшая из дев, / Перед белым дворцом прохаживается. / Шестьдесят хороших её сюрмесов / По всей спине рассыпались, / Пятьдесят её сюрмесов / На плечах, похоже, не умещаются. / Поги её из золота под луной играет, / Поги её из серебра / Под солнцем сверкает» Хак.П.А.10а.1 [Кузьмина, 2005, с. 910–911].

2. Облик героинь-суженых, воскресительниц

Обращает на себя внимание эстетическое восприятие прекрасного. Наиболее ярко это прослеживается в описаниях красоты героинь эпоса. В создании их портрета сказители прибегают к древнейшему стилистическому приему – сравнению с космическими объектами (солнце, луна). Светящимся обликом обладают все положительные героини эпоса и сказок многих народов. Сияние их лиц, а точнее, щек (или глаз в шорском эпосе), воспринимается как восход солнца или блеск луны. Такой способ характеристики героев эпоса исследователями расценивается как самый архаичный первичный способ изображения. Так, Р. А. Бадалов, рассматривая проблему прекрасного в азербайджанских героических сказаниях, пишет: «...Выросшая из древних анимизма и аниматизма, человеческая чувственность преодолела собственную ограниченность и использовала то, что было

найден в первобытных воззрениях для эстетизации действительности» (цит. по: [Кузьмина, 1980, с. 100]).

Башкирская исследовательница народных сказок Г. Р. Хусаинова сделала вывод о том, что «во всех случаях сопоставление формул красоты девушки с солнцем, луной, звёздами воспринимается как специфически-художественное, фигуративное. В плане исторической поэтики это другой, по сравнению с атрибутивными, этап изобразительности. Но всё же, судя по выявленному материалу, можно предполагать, что изображение сказочной героини в большей своей части складывалось на “атрибутивной” основе, подчёркивающей нерасчленённость мира (космос и человек) в архаическом сознании» [2017, с. 202–203].

В этом отношении сибирский тюрко-монгольский эпос классически соответствует этому выводу. Героини наполнены не только внутренним свечением, они сами являются светилами. Другими словами, архаический эпос преподносит атрибутивную изобразительность, совмещённую с фигуративной, и это самый частый способ их изображения. Например, у героини из бурятского улигера «Еренсей» шея отвечает лунным сиянием, а горло – солнечным блеском (Еренсей, с. 81). Другая героиня светится изнутри, в описании используются сравнительные обороты: *Бойлон Гоохон дүүхэй / Баруун хасараа толондо / Барууни монгол толотуулжа, / Зүүн хасараа толондо / Зүүни монгол толотуулжа / Улайжа байһан наранидли уларжа / Ургажа байһан һарайндли / Готтожо оробо* – «Подобно месяцу растущему вошла, / Словно красно солнышко светила, / Сиянием правой щеки / Монголов западной стороны освещала, / Сиянием левой щеки / Монголов восточной стороны освещала (Улигер «Бойлон Гоохон дүүтэй Богдони Хүбшэ мэргэн», л. 13).

Красота шорской героини спорит с космическими светилами: *Алтын Сабақ қыс палазы түрледе силгинди, арығ сылығ қыс пол тура түшитү. Аары айланза, ай сузун пасты, пеери айланза, күн сузун пасты* – «Алтын Сабак девочка, оборотившись, стройной девицей предстала. Туда если повернется, лучи месяца затмевает, сюда если повернется, лучи солнца затмевает (Шорский фольклор, сказание «Кан Кес», с. 57, 59). Но есть ещё одна деталь, которая не характерна для описания героинь эпоса других народов Сибири. Шорскую красавицу роднит с русской Еленой Премудрой цвет волос: у обеих волосы золотые. В. Я. Пропп пишет: «Если упомянуты её волосы, они всегда золотые. Отсюда и её имя “Елена Золотая Коса Непокрытая Краса”» [1996, с. 285].

Г. Р. Хусаинова выделила в характеристике персонажей параметр «следствия жестов, движений, эмоций», которые, как справедливо считает исследовательница, «имеют древний характер» [2017, с. 196]. В бурятском улигере «Осоодор Мэргэн» есть такой очень выразительный стереотип красавицы: *Нахир нахир ябахадань / Нахюу газарай сэсэгые / Найгаһан, натхаһан дэли / Боложо байгаа юма ла. / Хотор хотор ябахадань / Хада газарай ногооной / Хэлбэлзэһэн намилзаһан дэли / Боложо байгаа юма ла; / Зургар хара нюдөөһрөө / Ялаб байсара хархада / Тэнгэриин сахилгаан шинги / Болон байба ла; / Хүүр хэлэн / Аяглан байхадаа / Хабтагай шулуун дээрэ / Ногоо ургажа байһан шинги / Хара уһан дээрэ / Үрмэ татажа байһан шинги / Байгаа юма ла* – «Когда мягко она ступала, / На покатых местах цветы / Качаются, играют, / Казалось. / Когда плавно она ступала, / На возвышенных местах цветы / Кольшутся, развеваются, / Казалось. / Блестящими чёрными глазами / Когда она сверкнёт, / Как будто небесная молния, / Казалось, это была; / Когда она говорила / И напевала, / На плоском камне / Будто цветы растут, / На прозрачной воде / Будто пенка затягивается, / Казалось. –

Бур.П.А.106.10 [Кузьмина, 2005, с. 389]. В этом фрагменте следствием движений и эмоций героини является возникновение картин Природы, ее весенне-летнего состояния. Не случайно, что именно к такой суженой стремится богатырь. В описании прослеживается не только понимание прекрасного, но и представление о порядке в природе, гармонии человека с ней. Истинная красота героини кроется в том, что она не нарушает установившееся природное равновесие, а оказывает благотворное воздействие на Природу, вызывая в ней добрый отклик на ее действия. Этим заложены в героическом эпосе «установочные ценностные позиции (смысловые ориентиры)» [Исакова, 2001, с. 79].

Л. Н. Столович, анализируя историческое развитие аксиологической эстетики, пишет: «Эстетическая ценность не может быть понята вне определённой системы ценностного отношения в целом. И с другой стороны, мир ценностей был бы разорван, если бы из него была исключена эстетическая ценность» [1994, с. 7]. Далее интересно его рассуждение, которое напрямую можно соотнести с нашим предметом изучения: «...благодаря тому, что человеческое мироотношение было первоначально синкретическим, в древнейших текстах с большим трудом можно отделить одну разновидность ценностного мировосприятия от другой, строго дифференцировать эстетическое от утилитарного, нравственного и религиозного. Мы ведь до сих пор употребляем слово “прекрасное” не только в чисто эстетическом смысле, но и как синоним хорошего, полезно-целесообразного, а с другой стороны, называем прекрасное “божественным”, “чудесным”. Этот “пережиток” – одно из свидетельств первобытного ценностного синкретизма, запечатлённого и в первоначальных попытках философско-теоретического осмысления мира» [Там же, с. 13].

Судя по тому, насколько устойчиво в эпических текстах такое понимание красоты, как оно зафиксировалось в стереотипах и превратилось в постоянные типические места, передаваемые из сказания в сказание, можно говорить о том, что сибирский фольклор вобрал в себя эти народные эстетические представления и художественно их воплотил в образах. В сходстве реализации эстетических ценностей в эпосе бурят, хакасов и шорцев, а по расширению круга этносов и всех других тюрко-монгольских народов, увидим общую социокультурную и генетическую связь. Если принять во внимание, что это положительные героини, чаще всего суженые богатырей, во имя которых герои эпоса часто совершают богатырские подвиги, то согласимся с философом Г. П. Выжлецовым, который пишет: «Такие высшие духовные ценности, как любовь – источник жизни вообще и рода человеческого в частности, и красота – как главное условие любви, в отличие, например, от справедливости, имеют глубокие природно-генетические истоки, являются голосами самой Природы и, может быть, единственные из всех ценностей передаются из поколения в поколение не только социально, но и генетически» [2000].

3. Облик отрицательных женских персонажей

Героические сказания так построены, что антиподом главного богатыря / богатырки выступают отрицательные богатыри-мужчины и не менее воинственные богатырки-женщины. Чем их облик более устрашающе грозен, тем ярче мощь и сила главного богатыря, борющегося против зла. Женскими противницами выступают в бурятском эпосе зооантропоморфные персонажи преимущественно в виде старух-мангадхаек. Приведем стереотипное описание из бурятского эпоса: *Сарил саган хошуутай, / Самсаал ехэ үргэтэй, / Орой ханай дундаа ла / Гагсахан нюдэтэй, / Оошо ханай дундаа ла / Гагсахан шүдэтэй, / Сарил саган толгойтой, /*

Самсаалхан үргэтэй – «С белым-белым клювом, / С острым большим подбородком, / С единственным глазом / На макушке, / С единственным зубом / Во рту, / Изжелта-белой головой, / С острым большим подбородком (Абай Гэсэр Могучий, 1995, с. 150, 354). Опорными в этом стереотипе являются первые два предложения, говорящие о том, что персонаж необычный, имеющий клюв и большой подбородок.

В таком же ключе описывается образ антипода в шорском эпосе. Противницей богатыря часто выступает Шимельдейка – антропоморфное существо подземного мира, живущая за пределами шестидесяти / восьмидесяти слоев земли, и выбирающаяся в Средний мир с целью нанесения вреда альпу. Она обладает теми же чертами, что и бурятская мангадхайка с клювом: *Тоғус қат тебір салтым алтынаң тоғус қулаш тумчуқтағ тебір Шибелдей шықты* – «Из-под девяти слоев железного пола имеющая нос в девять саженей Железная Шибелдей вышла (Шорский фольклор, 1940, с. 20–21). Или: *Тегеинде мүүстиг Қара Шимелдей / Алтынғызы сегизон там чер алтында чатчыған...* – «Черная Шимелдей с рогами на лбу, / Живущая за пределами восьмидесяти слоев земли...» ХСказание «Казыр Тоо», 1996). Основная цель этой рогатой (или с клювообразным носом) Шимелдейки – убить богатыря своим длинным рогом (клювом), проколов, как штыком. Изображение таких персонажей, внешне напоминающих птиц и зверей, вероятно, является наиболее архаичным и уходит корнями в тотемистические и анимистические воззрения шорцев и других народов Сибири. Если Шимелдейка изображается в человеческом виде, то ее облик непременно гипертрофирован: *Пир азагын, пир ноо, пир тегейи / Ноо, пир қызым тайганың / тегейин теп-салтыр. / Пир азагын пир қызым тайганың тегейин теп-салтыр. / Тайга шени Қуу Шимелдей / Анда тұр-келип сидепча. / Қуу Шимелдейдің сидиги / Сарығ талай пол-келип, / По черге толдура кел түш-парған* – «Одну ногу на одну вершину, / Ну, на одну Кызым гору поставила. / Другую ногу – на другую Кызым гору, / На её вершину поставила. / Слово гора, Куу Шимелдей там встала, / Стоит мочится. / Моча Куу Шимелдейки / Желтым морем став, / Эту землю залила» (Сказание «Казыр Салгын Кара Салгын», 2001).

В хакасском эпосе понятие безобразного и уродливого дается с помощью часто употребляемого эпитета «страшнолика». Уродливость видится в том, что героиня может быть пешей, седой, худо сложенной, как например, Хыс-Хан, ханша-правительница в сказании «Ай-Хуучин»: *Чабал сырайлығ Хыс Хан чачазы, / Чабал пүдістіг полған, / Арба улинча харахтыг поладыр, / Чип чонынча харахтыг поладыр. / Ахсын көрзе Хан-Мирген – / Хулах төске читіре / Ачыл парған одыр* – «Старшая сестра, страшнолика Хыс-Хан, / Худо сложенная, / Глаза у неё с ячмень, / Переносица в нить толщиной. / На рот её Хан-Мирген смотрит: / До основания ушей / [Всегда] он у неё открыт. – Хак.П.А. 106.2 [Кузьмина, 2005, с. 912–913].

* * *

Рассмотрение образов женских персонажей (богатырок, дев-героинь, противниц богатырей) наглядно показывает, что в их изображении отразилось ценностное отношение народа к миру и синкретизм эстетических и нравственных оценок. Приведенные примеры демонстрируют сходство поэтико-стилевых средств, способов изображения и описания персонажей. В используемых стереотипах прослеживается единое понимание того, что внешняя красота героинь, как и уродливость отрицательных персонажей, выступает в тесной связи с их внутренним

содержанием, проявляющимся в их поступках и действиях героинь: если они помогают главному герою преодолевать преграды на пути искоренения зла, то они совершают благо во имя добра и для всего рода. Такое восприятие прекрасного / уродливого в персонажах эпоса носит природно-генетический характер, и потому оно обретает незыблемую устойчивость в поэтических формулировках, носящих характер клише. Используемые в изображении женских персонажей описания являются интертекстуальными стереотипами, взятыми из общеэпического фонда. Они по своей структуре могут быть как полными описаниями, так и краткими. Из поэтико-изобразительных средств в портретных описаниях героинь эпоса устойчиво используются сравнения и эпитеты, легко соотносимые с явлениями и объектами Природы и Космоса. Общепризнанное положение о том, что гипербола является в героическом эпосе основным приемом изображения, подтверждается и гиперболизацией женских персонажей.

Список литературы

Выжлецов Г. П. Аксиология культуры в системе культурфилософского знания // Вестник Новгород. гос. ун-та. 2000. № 16. URL: [http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/\\$file/%C2%FB%E6%EВ.pdf](http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/$file/%C2%FB%E6%EВ.pdf) (дата обращения 19.04.2020).

Исакова Н. В. Культура и человек в этническом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. Новосибирск: Изд-во МОУ ГЦРО, 2001. 343 с.

Кузьмина Е. Н. Женские образы в героическом эпосе бурятского народа. Новосибирск: Наука, 1980. 159 с.

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Эксп. изд. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.

Лорд А. Б. Сказитель / Подгот. изд., пер с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера, Г. А. Левинтона. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 552 с.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 365 с.

Пухов И. В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо / Подгот., послесл. и коммент. В. М. Никифорова. Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2004. 328 с.

Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.

Хусаинова Г. Р. Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология: Дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2017. 352 с.

Список источников

Абай Гэсэр / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1960. 314 с.

Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. М.: Вост. лит., 1995. 526 с.: ил. (Эпос народов Евразии)

Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. 592 с.: ил. (Эпос народов СССР)

Еренсей / Подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1968. 207 с.

Сказание «Казыр Салгын и Кара Салгын» («Қазыр Салғынма Қара Салғын») / Зап. в 2001 г. Л. Н. Арбачакова от В. Е. Таннагашева. Аудиозапись. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН; пер. Л. Н. Арбачаковой.

Сказание «Казыр Тоо» («Қазыр Тоо») / Зап. в 1996 г. Л. Н. Арбачакова от В. Е. Таннагашева. Аудиозапись. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН; пер. Л. Н. Арбачаковой.

Сказание «С неказистым рыжим конём Чепе Салгын» («Чеппе сар аттыг Чеппе Салғын»). Зап. в 1997 г. Л. Н. Арбачакова от В. Е. Таннагашева. Аудиозапись. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН; пер. Л. Н. Арбачаковой.

Улигер «Богдони Хубшэ мэргэн с сестрицей Бойлон Гоохон» («Бойлон Гоохон дүүтэй Богдони Хүбшэ мэргэн») / ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 2666/1731²; пер. Е. Кузьминой.

Улигер «Пятнадцатилетний Алтан Ганжуудай Мэргэн» («Арбан табан насатай Алтан Ганжуудай Мэргэн») / Центр восточных рукописей и ксилографов ЦВРК ИМБТ СО РАН. Инв. № 1439¹; пер. Е. Кузьминой.

Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Зап. и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прилож. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16)

Шорский фольклор / Зап., пер., вступ. ст., примеч. Н. П. Дыренковой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.

References

Isakova N. V. *Kul'tura i chelovek v etnicheskom prostranstve: etnokul'turologicheskiy podkhod k issledovaniyu sotsial'nykh protsessov* [The culture and man in ethnic space: ethnocultural approach to the study of social processes]. Novosibirsk, MOU GCRO, 2001, 344 p.

Khusainova G. R. *Bashkirskie volshebnye skazki: poetika i tekstologiya* [Bashkir magic tales: poetics and textology]. Dr. philol. sci. diss. Ufa, 2017, 352 p.

Kuzmina E. N. *Zhenskie obrazy v geroicheskom epose buryatskogo naroda* [Female images in a heroic Buryat people epos]. Novosibirsk, Nauka, 198, 159 p.

Kuzmina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): Eksp. izd.* [Index of typical sites of heroic epos of People of Siberia (Altai, Buryat, Tuva, Khakas, Shor, Yakut): Exp. ed.]. Institute of philology, SB RAS. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, 1383 p.

Lord A. B. *Skazitel'* [The storyteller]. Yu. A. Kleiner, G. A. Levinton (Prep. of publ., transl. from English, and comm.). 2nd ed., rev. and corr. St. Petersburg, European Univ. in St. Petersburg Publ., 2018, 552 p.

Meletinskiy E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaiskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments]. 2nd ed., rev. Moscow, Vost. lit., 2004, 462 p.

¹ Инвентарный номер единицы хранения, возможно, изменен после очередного перечета.

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of a fairy tale]. St. Petersburg, SPbU Publ., 1996, 365 p.

Pukhov I. V. *Geroicheskiy epos altae-sayanskikh narodov i yakutskie olonkho* [The heroic epic of the Altai-Sayan peoples and the Yakut olonkho]. Yakutsk, SB RAS Publ., 2004, 328 p.

Stolovich L. N. *Krasota. Dobro. Istina: Ocherk istorii esteticeskoy aksiologii* [The beauty. Good. Truth: A History of Aesthetic Axiology]. Moscow, Respublica, 1994, 464 p.

Vyzhletsov G. P. Aksiologiya kul'tury v sisteme kul'turfilosofskogo znaniya [Axiology of culture in the system of the cultural-philosophical knowledge]. *Vestnik NovSU*. 2000, no. 16. URL: [http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/\\$file/%C2%FB%E6%EB.pdf](http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCDA018214C3256AC000205E21/$file/%C2%FB%E6%EB.pdf) (accessed: 19.04.2020).

List of sources

Abay Geser. A. I. Ulanova (Intr. art., prep, of the text, transl., comm.). Ulan Ude, 1960, 314 p.

Abay Geser Moguchiy. Buryatskiy geroicheskiy epos [Abay Geser Mighty. Buryat heroic epic]. Moscow, Vost. lit., 1995, 526 p.; il. (Epos narodov Evrazii [The epic of the peoples of Eurasia]).

Altyn-Aryg. Khakasskiy geroicheskiy epos [AltynAryg. Khakas heroic epic]. Moscow, Nauka, 1988, 592 p. (Epos narodov SSSR [The epic of the peoples of the USSR]).

Erensey. M. P. Khomonova (Prep, of the text, transl., comm.). Ulan-Ude, 1968, 207 p.

Khakasskiy geroicheskiy epos: Ay-Khuuchin [Khakass Heroic Epic: Ai-Huuchin]. V. E. Mainogasheva (Audiorecording, prep. of the text, transl., intr. article, notes and comm., appendix). Novosibirsk, Nauka, 1997, 497. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. T.16 [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Vol. 16]).

Shorskiy fol'klor [Shor folklore]. N. P. Dyrenkova (Recording, trans., introd., notes). Moscow, AN SSSR, 1940, 448 p.

Skazanie "Kazyr Salgyn i Kara Salgyn" [The legend "Kazyr Salgyn and Kara Salgyn"]. Recorded in 2001 by L. N. Arbachakova from V. E. Tannagashev. Audiorecording. Phono Archive of the Sector of Folklore of Siberian Peoples of the Institute of philology SB RAS. L. N. Arbachakova (transl.).

Skazanie "Kazyr Too" [The legend "Kazyr Too"]. Recorded in 1996 by L. N. Arbachakova from V. E. Tannagashev. Phono Archive of the Sector of Folklore of Siberian Peoples of the Institute of philology SB RAS. L. N. Arbachakova (transl.).

Skazanie "S nekazistym ryzhim konem Chepe Salgyn" [The legend "S nekazistym ryzhim konem Chepe Salgyn"]. Recorded in 1997 by L. N. Arbachakova from V. E. Tannagashev. Audiorecording. Phono Archive of the Sector of Folklore of Siberian Peoples of the Institute of philology SB RAS. L. N. Arbachakova (transl.).

Uliger "Bogdoni Khubshe mergen s sestritsey Boylon Gookhon". TsVRK IMBT SO RAN, Inv. no. 2666/17312. E. Kuzmina (transl.).

Uliger "Pyatnadtsatiletniy Altan Ganzhuday Mergen". TsVRK IMBT SO RAN, Inv. no. 1439 1. E. Kuzmina (transl.).

Сведения об авторах

Кузьмина Евгения Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5767-7085

Арбачакова Любовь Никитовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

anzass@mail.ru
ORCID 0000-0001-9570-6505

Шулбаева Наталья Владимировна – младший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

natalya.shulbaeva@yandex.ru

Information about the authors

Evgeniya N. Kuzmina – Doctor of Philology, Principal Researcher at the Laboratory of the verbal cultures of Siberia and the Far East, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

kuzmina.evgenia2010@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5767-7085

Lyubov N. Arbachakova – Candidate of Philology, Senior Researcher at the Laboratory of the verbal cultures of Siberia and the Far East, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

anzass@mail.ru
ORCID 0000-0001-9570-6505

Nataliya V. Shulbaeva – Junior Researcher at the Laboratory of the verbal cultures of Siberia and the Far East, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

natalya.shulbaeva@yandex.ru